Городской синтаксис

Д.А.Колеватых, СамГТУ, Самара

В статье выдвигается гипотеза о существовании прямой и обратной связи между субъектом – «жителем города», и объектом – «городской структурой». Рассмотрены особенности формирования «городского языка». Также поднимается тема выработки повседневного «городского сленга» через пространственно-компиляционные формы города. Выявлены некоторые хронологические особенности становления городской языковой модели (архаизмы и неологизмы в контексте градообразования). Автором введены новые термины, описывающие формирование городских синтаксических форм. Автор статьи обращает внимание на необходимость восприятия города, как развивающейся лингво-урбанистической модели, профессиональный анализ которой, даст возможность увидеть современные тенденции, влияющие на развитие города. Такого рода мониторинг позволит архитекторам создавать актуальные модели, основанные на реальной градостроительной ситуации.

Ключевые слова: Россия, городской синтаксис, языковая форма, пространственная ткань города, лингво-урбанистическая модель, градостроительный анализ.

Urban Syntax

D.A.Kolevatykh, SSTY, Samara

The article puts forward the hypothesis of the possible existence of direct and reverse communication between the subject of "city resident" and the object of "urban structure". The features of "urban language" are considered. The theme of everyday "urban slang" development through the spatial compilation of the city forms is also raised. Some chronological features of the urban language model formation (archaism and neologism in the context of "urban language") are revealed. The author introduced new terms describing the phenomena of archetypalization of urban syntactic forms. The author stresses that the city should be perceived as a developing lingual-urban model, a professional analysis of which provides an opportunity to unveil current trends in urban development. This kind of monitoring will allow architects to design relevant models regarding the existing status of urban development.

Keywords: Russia, urban syntax, language form, spatial fabric of the city, linguistic-urbanistic model, town-planning analysis.

В повседневной жизни можно заметить, что люди часто, рассуждая о городах, приписывают им качества и эпитеты,

свойственные живым существам. От собеседника можно услышать что-то вроде: «город затягивает», «город воспитывает», «город дышит» и прочее. Часто при этом город наделяется качествами, которыми воздействует на человека и влияет на него. Так ли это на самом деле?

Один из вопросов, который ставят перед собой современные исследователи в области градостроительства и смежных дисциплин, – это способы влияния города на человека. Одним из таких учёных является Джеффри Уэст (Geoffrey West) – физик-теоретик, занимающийся физикой частиц из института в Санта-Фе (Нью-Мексико). В своём исследовании Д. Уэст, сопоставляя качества живых организмов, проецирует их на сетевые системы куда более глобальных масштабов, к примеру, сетевую систему города. Для наглядности он приводит очевидный набор схожих качеств, которым обладают все сетевые структуры. К примеру, транспортные городские магистрали с потоками движущихся автомобилей, линии электропередач по которым идёт ток, инженерные сети водоснабжения и коммуникации, по которым перемещаются люди, учёный отождествляет с артериями и капиллярами живых организмов, по которым движутся кровь и кровяные клетки. Д. Уэст также отмечает, что на этом общие признаки не заканчиваются, он поясняет, что всё присущее обычным живым организмам, а именно, дыхание, выделительная система и система воспроизведения также свойственно и городам, если их рассматривать как суперорганизмы [1]. Продолжая гипотезу Д. Уэста, автору данной статьи хотелось бы сделать предположение о возможной форме «информационно-речевой» трансляции, присущей городу как «суперорганизму». Однако как именно происходит данная трансляция и на кого она направлена? Любопытен тот факт, что на основе исследований и расчётов Лоренса Дойла (сотрудника NASA) [2], можно сказать, что любой язык, который транслирует определённую информативную нагрузку, имеет свой шифр и конкретное смысловое послание. И его возможно декодировать и конвертировать в другую языковую систему [2].

«Город» – «Человек»

Рассматривая тезис о «речевой» урбанистической трансляции, упомянутой выше, автор хотел бы определить субъектно-объектную модель. Иными словами, понять, кто подвергается воздействию, а кто воздействует? Может ли человек влиять на город? Может ли город как сложная система и форма средообитания влиять на человека? Оче-

видно, что прямая и обратная связь существуют. В пользу этой гипотезы высказывались многие исследователи и градостроители-теоретики [1; 3; 4]. Однако, рассматривая в данной статье тезис о возможной взаимосвязи между жителем города и городом как сложной системой, хотелось бы акцентировать в первую очередь внимание на «обратной» связи, а именно, «город» – «человек». Как правило «взаимодействие» подразумевает трансляцию информационного потока.

Информационный поток города (с градостроительной точки зрения) выражен набором «символов», «объёмно-пространственных единиц» и «урбанистических знаков». Справедливо предположить, что транслируемый поток «символов» и «знаков» является в той или иной степени языковой формой или городским языком. В свою очередь из совокупности пространственных объектов и уличного дизайна (к примеру, дизайна уличной рекламы) формируется повседневный «городской сленг», с которым сталкиваются жители города (рис.

а)

б)

Рис. 1. Условная классификация «городского языка»: а) совокупность объектов уличного дизайна; б) урбанистические направления¹

1 а). Этот «сленг» – явление более неустойчивое, приходящее, однако может влиять на фундаментальные конструкции «городского языка».

Проводя сравнительные параллели с лингвистикой как дисциплиной, в «городском языке» можно проследить идентичные явления, свойственные прочим языкам в обычном их понимании. Процессы образования в «городском языке» неологизмов, архаизмов, сленговых форм, использование сокращений и иносказаний отражают всю сложность и многообразие «речевой» формы города. К примеру, синтаксические архаизмы могут выражаться как в малых формах, так и в полномасштабных объектах, таких как здания и целые кварталы. В контексте урбанистического языка архаизмы представляют собой «языковые элементы», которые вытесняются новыми урбанистическими течениями, новыми технологическими решениями, отвечающими в большей мере современным запросам городского населения.

В регионах России «урбанистическим архаизмом» по праву может служить деревянная архитектура. Эта острая тема проанализирована на примере города Самары и отражена автором в статье «ДНК деревянной архитектуры. Пространственная абсорбция как способ эволюции ветхого жилищного фонда» [5]. В той же статье описываются новые объекты и жилые комплексы, которые замещают прежнюю форму городского синтаксиса и, если согласовать их с темой данной статьи, играют роль «урбанистических неологизмов» (рис. 1 б).

Стоит обратить внимание, что природа возникновения в «городском языке», к примеру, неологизмов, совпадает с причинами возникновения неологизмов в человеческой речи, это – деривация, семантическая деривация, заимствование. Выявление причин, описывающих импорт и заимствование таких «неологизмов», в частности, образцов дизайна и приёмов организации и реформирования среды в современной России, рассмотрено в статье «Архитектурный ордер и люди. Трайбализм и средовая замкнутость жителей России» [6]. Заимствование синтаксических форм происходит по идентичному сценарию и скорее является следствием описанного в вышеупомянутой статье процесса импортирования. Пытаясь классифицировать и структурировать городской язык, предлагается выделить «официальную» и «неформальную» языковые формы. Причиной такого разделения служат степень регламентированности построения «официальной» синтаксической модели и вариативность её изменения в отличие от «неформальной», где вариативность и регламент не создают строгих рамок, позволяя высказываться в более раскрепощённом и эмоциональном виде. Воспринимая город как совокупность самостоятельных трёхмерных пространств, имеющих шесть фронтальных проекций, необходимо понимать, что любой городской объект, фактура или деталь, кажущаяся

¹ Здесь и далее рисунки выполнены автором статьи

незначительной в масштабе целого города, в масштабе этой трёхмерной модели является элементарной языковой частицей (рис. 2 б). Подобно любому звуку произнесённому человеком, который возможно фонетически определить и отнести к той или иной текстово-символьной принадлежности, эти городские объекты поддаются аналогичному идентифицированию.

Урбосинтаксическая грация

Анализируя пространство города как таковое, стоит отметить, что, подобно речевой форме (в традиционном понимании человеческой речи), фрагменты синтаксических форм городского языка располагаются последовательно (кварталы, районы и т.д.). Говоря «город», здесь подразумевается, что люди, строящие его, пытаются сделать «высказывание» убедительным и ясным, расположить элементы, занимаемые в нём именно в таком порядке, в каком высказывание будет наиболее убедительно. В свою очередь, существование в пространственной ткани города не связанных последовательно, но ярко характеризующие стилистическое направление синтаксических элементы можно отнести к диалектной местной форме проявления городского языка. Примером диалектного городского языка может послужить присутствие в городском дизайне национальных мотивов. Относительно исследуемой области следует заметить, что согласно выдвигаемой гипотезе в контексте городского языка существуют устойчивые формы, которые являются архетипизированными элементами и, претерпевая образные трансформации на протяжении хронологической эволюции, остаются по своей структуре прежними [7]. Данные архетипизированные элементы подобны устойчивым лаконичным выражениям и похожи на что-то, вроде «поговорок», «афоризмов» и «поговорок»: они сохраняют свою целостность и проносят смысловую нагрузку через временные эпохи до наших дней (рис. 3 а). В этой статье автор вводит несколько терминов, чтобы структурировать и описать данные явления.

Сложное синтаксическое целое (ССЦ), или «Complex syntactic unit» (CSU) – набор взаимосвязанных градостроительных объектов, как правило, масштабом равный кварталу, объединённый стилистическими, ритмокомпозиционными, хронологическими и семантическими свойствами (рис. 3 б).

Пространственно-синтаксическое целое (ПСЦ), или «Spatial Syntactic Unit» (SSU) – упрощённая составная часть (CSU), фрагмент квартала или его часть в связке с доминантными объектами (рис. 4).

Сложная пространственная синтаксическая единица (СПСЕ), или Complex spatial syntactic unit (CSSU) – элементарная частица урбанистического языка, составная часть ПСЦ/SSU (внутренние дворы, аксессуары стриткультуры и граффити [11; 12], автомобили, спортплощадки, люди, бродячие животные, растения) (см. рис. 2 а).

Человек как сложная пространственная синтаксическая единица

Изучая само явление «города» как средообитание человека [14; 17], было бы не корректно с точки зрения исследования проигнорировать далеко не последний элемент города – а именно «человека» как городского жителя и составную часть всей сетевой структуры. Являясь интегрированным в городской пейзаж [15; 16], человек выполняет роль элементарной частицы, отражающей ордерные группы города [6], является рефлексивным фрагментом [13]. Его одежда, аксессуары, средства передвижения, формы уличного дизайна, которые он порождает, – всё это является отражением того, что человек компилирует в себе «заархивированные» детали ордерных групп и городских паттернов, к которым он принадлежит [6; 8; 9]. Параллельно «человек» является свободной синтаксической единицей, которая может при соответствующих обстоятельствах вносить коррективы

Рис. 2. Человек и пространство города: а) человек и пространство города; б) развёртка трёхмерной единицы пространства

в стационарные конструкции городских констант. Человек в этом плане отражает бивалентные качества: с одной стороны, физически являясь мелкомасштабной частью города, он относительно трудно прочитываем и физически воспринимаем только в скоплениях, таких как городской поток (метро, оживлённая улица) [10], с другой стороны – человек может являться носителем «архитектурного ордера» [6] и единолично компилировать то бурное многообразие, которое выражено в градостроительном эквиваленте его средообитания, отражая его в дизайне своей одежды и своего внешнего вида (рис. 5).

Возвращаясь к первичному тезису о возможности города транслировать «языковую» форму, мы понимаем, что город «говорит» через совокупности объектов и дизайн небольших форм. Лирика и изящность высказывания может включать в себя неформальный сленг и никоим образом не нарушать целостность высказывания.

а)

б)

Рис. 3. «Синтаксическая» вариативность и хронология: а) трансформация портала; б) схема интенсивности развития «городского языка» за последние десятилетия.

Описанные выше наблюдения заставляют при градостроительном планировании уделить особое внимание кажущимся на первый взгляд незначительными деталям. Решая функциональные задачи, проектировщик обязан понимать ту ответственность, которую он несёт, занимаясь привычными для него изысканиями. Город, как самая удобная модель жизни для большинства людей на нашей планете, всегда будет двигаться по пути эволюции и модернизации вместе с человеком, взаимосвязанно. Отсутствие понимания механизмов взаимосвязи человека и города, игнорирование и, как следствие, разрушение их приводит к оттоку коренных жителей, знакомых с этим городом «близко» и знающих его изнутри. Безусловно, буквально рассматривать тезис о «речи» города не имеет практического смысла, однако игнорировать алгоритмы пространственно-синтаксической рефлексии было бы, по крайней мере, просто непрофессионально. Учитывая современные тенденции в России, сейчас можно с уверенностью сказать, что тема является дискуссионной

Рис. 4. Компонентная схема пространственно-синтаксического целого

Рис. 5. Человек как «синтаксическая» проекция

и в значительной степени связана с потребностью жителей видоизменять городской пейзаж, а вместе с ним меняться и самим.

Литература

1. *West Geoffrey*. Scale: the universal laws of growth, innovation, sustainability, and the pace of life in organisms, cities, economies, and companies dolls' houses. – New York Penguin Press, 2017. – P. 481.
2. *Doyle Laurance R.* Animal Communications, Information Theory, and the Search for Extraterrestrial Intelligence [Электронный ресурс] // SETI. – Режим доступа: <https://www.seti.org/animal-communications-information-theory-and-search-extraterrestrial-intelligence-seti> (дата обращения 15.06.2017).
3. *Epting, S.* An Applied Mereology of the City: Unifying Science and Philosophy for Urban Planning // Science and engineering ethics. – 2015. – P. 1–14.
4. *Bettencourt, L., West G.* A unified. theory of urban living / L. Bettencourt, G. West // Nature. – 2010. – Т. 467. – № 7318. – С. 912–913.
5. *Колеватых, Д.А.* ДНК деревянной архитектуры. Пространственная абсорбция как способ эволюции ветхого жилищного фонда / Д.А. Колеватых // Приволжский научный журнал. – 2017. – №. 2. – С. 224–229.
6. *Колеватых, Д.А.* Архитектурный порядок и люди. Трайбализм и средовая замкнутость жителей России / Д.А. Колеватых // Градостроительство и архитектура. – 2017. – № 3. – С. 16.
7. *Колеватых, Д.А.* Архетипы вчера и сегодня. Современные архетипы в российской архитектуре / Д.А. Колеватых // Вестник СГАСУ. – 2015. – № 3. – С. 13.
8. *Bushnell, J.* Moscow graffiti language and subculture. – London, 1990.
9. *Merrill, S.O.* C. Graffiti at Heritage Places: Vandalism as Cultural Significance or Conservation Sacrilege? // Time and Mind. – 2011 – Т. 4. – №. 1. – P. 59–75.
10. *Колеватых, Д.А.* Макрофактурные элементы городского архитектурно-пространственного полотна / Д.А. Колеватых // Вестник ТГАСУ. – 2017. – № 6. – 2017. – С 88–96.

11. *Schacter, R.* Ornament and order: Graffiti, street art and the paragon. – Routledge, 2016.

12. *Dickens, L.* Placing post-graffiti: the journey of the Peckham Rock / L. Dickens // Cultural geographies. – 2008. – Т. 15. – №. 4. – С. 471–496.

13. *Schneekloth, L.H.* Placemaking: The art and practice of building communities / L.H. Schneekloth, R.G. Shibley. – New York: Wiley, 1995.

14. *Moudon, A.V.* Urban morphology as an emerging interdisciplinary field / A.V. Moudon // Urban morphology. – 1997. – Т. 1. – №. 1. – С. 3–10.

15. *Relph, E.* The Modern Urban Landscape (Routledge Revivals) / E. Relph. – Routledge, 2016.

16. *Matsuoka, R.H.* People needs in the urban landscape: analysis of landscape and urban planning contributions / R.H. Matsuoka, R. Kaplan // Landscape and urban planning. – 2008. – Т. 84. – №. 1. – С. 7–19.

17. *Dee C.* Form and fabric in landscape architecture: a visual introduction / C. Dee. – Taylor & Francis, 2004.

Literatura

5. *Kolevatykh D.A.* DNK derevyannoj arhitektury. Prostranstvennaya absorbtziya kak sposob evolyutsii vethogo zhilishhnogo fonda / D.A. Kolevatykh // Privolzhskij nauchnyj zhurnal. – 2017. – №. 2. – S. 224–229.
6. *Kolevatykh D.A.* Arhitekturnyj order i lyudi. Trajbalizm i sredovaya zamknutost' zhitelej Rossii / D.A. Kolevatykh // Gradostroitel'stvo i arhitektura. – 2017. – № 3. – S. 16.
7. *Kolevatykh D.A.* Arhetipy vchera i segodnya. Sovremennye arhetipy v rossijskoj arhitekture / D.A. Kolevatykh // Vestnik SGASU. – 2015. – № 3. – S. 13.
10. *Kolevatykh D.A.* Makrofakturnye elementy gorodskogo arhitekturno- prostanstvennogo polotna / D.A. Kolevatykh // Vestnik TGASU. – 2017. – № 6. – 2017. – S 88–96.

Колеватых Дмитрий Алексеевич, 1989 г.р. (Самара). Аспирант кафедры «Градостроительство» Академии строительства и архитектуры ФГБУ ВО «Самарский государственный технический университет» (443100, Самара, Ул. Молодогвардейская, 244. СамГТУ). Сфера научных интересов: теория архитектуры, градостроительство. Автор 6 публикаций. Тел.: 8 (846) 242-17-50. E-mail: eva2@mail.com.

Kolevatykh Dmitry Alekseevich, born in 1989 (Samara). Postgraduate student of the Department of Urban Construction of the Academy of Construction and Architecture of the FGBU VO "Samara State Technical University" (443100, Samara, Molodogvardeyskaya st., 244. SamSTU). Sphere of scientific interests: theory of architecture, urban planning. The author of 6 publications. Tel.: +7 (846) 242-17-50. E-mail: eva2@mail.com.